

КНИГА 2

КОД 29 ДВЕНАДЦАТЬ КЛЮЧЕЙ

РОДОГОЙ ОРЛОВ

Родогой Орлов

Код 29. Двенадцать ключей

<https://litres.ru/74196299>

SelfPub; 2026

Аннотация

Макс вернул ключи от Алатырей — и запустил новую катастрофу. Теперь у мира два Макса, двенадцать ключей и Система, научившаяся превращать свободу в товар. Пока города выбирают идеальные версии собственной жизни, забытые решения обретают плоть, а Первый готовится открыть дверь, которую нельзя закрыть силой. Чтобы спасти людей, Максу придётся сделать невозможное: отказаться от права решать за них. Но что останется от человека, если даже его имя можно разделить надвое?

Содержание

Пролог. Хлеб, который пахнет металлом	4
Глава 1. Человек, которого похоронили	19
Глава 2. Похороны живого	37
Глава 3. Башня без тени	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Родогой Орлов

Код 29. Двенадцать ключей

Пролог. Хлеб, который пахнет металлом

Перезагрузка закончилась тишиной.

Не той тишиной, которую Макс учился класть между тактами. Не живой, наполненной, где под слоем молчания дышит земля и кто-то большой держит небо корнями.

Эта была другая.

Так замолкает аппарат после операции, когда врачи уже вышли, лампы ещё горят, а на простыне осталось тепло человека.

Макс лежал лицом в мокрой траве и считал удары сердца.
Один.

Пауза.

Два.

На третьем ударе земля ответила снизу. Слабо, будто из-под толстого стекла. На четвёртом рядом вдохнула Алина.

— Жива? — спросил он.

— Если это и есть смерть, — сказала она, не открывая глаз, — то организовано всё отвратительно.

Макс усмехнулся — и боль тут же прошла рёбра.

Над перешейком стоял утренний свет. Две воды, ещё недавно разные, теперь выглядели одинаково. Слева больше не пахло хлебом. Справа исчез металл. Обычный туман лежал над гладью, обычные птицы ругались в кустах, обычный комар сел Максу на запястье и с деловой уверенностью начал пить кровь.

Мир снова притворился миром.

Алина села, прижала ладонь к горлу. Полоса ошейника исчезла, но кожа под пальцами оставалась красной.

— Получилось? — спросила она.

Макс достал телефон.

Экран был цел. Ни трещин, ни чёрных плашек, ни счётчика. На заставке — они вдвоём на крыше старого дома, ещё до камня, до леса, до людей с пустыми глазами. Алина смеётся, Макс смотрит не в камеру, а на неё. Фотография из мира, который теперь казался чужим воспоминанием.

Сеть появилась сразу. Полная шкала.

Входящие посыпались одно за другим: сообщения команды, пропущенные звонки, уведомления банков, реклама доставки, напоминание о неоплаченном сервисе. Нормальная цифровая жизнь, возмущённая тем, что он посмел исчезнуть.

И ни одной ошибки 29.

— Система перезапустилась, — сказал Макс.

— Это мы видели.

— Нет. Я не о надписи.

Он поднялся. Колени не слушались. Внутри, ниже пупка, вместо привычного жара лежала тяжёлая холодная монета. Лента на запястье молчала. Горошины в стручке потускнели. Даже метка на ладони выглядела как старый ожог.

Макс подошёл к воде. Наклонился. Его отражение повторило движение точно, без задержки.

— Эй, — сказал он Хранителю.

Лес промолчал.

— Вера?

Только вода коснулась берега.

— Дажбог?

Солнце висело над деревьями круглое, бледное и совершенно равнодушное.

Алина встала рядом.

— Может, они ушли?

— Они не уходят.

— Тогда почему молчат?

Макс посмотрел на обе воды. Вчера он различал их кожей. Живое тянулось теплом, чужое оставляло во рту вкус железа. Теперь всё было ровным. Чистым. Безопасным.

Слишком безопасным.

На другом берегу показался человек. Мужчина лет пятидесяти в светлой куртке шёл вдоль воды с плетёной корзиной. Увидел их, остановился и помахал рукой.

— Эй! Вы там в порядке?

Голос был обычный. Немного хриплый. Человеческий.

— В порядке, — крикнула Алина.

Мужчина огляделся, нашёл узкую лодку, отвязал её и через несколько минут причалил к перешейку. В корзине лежал хлеб. Ещё тёплый, завернутый в льняное полотенце.

Запах ударил Максу в грудь.

Дом. Печь. Мамины руки в муке. Корочка, которую он отламывал раньше, чем хлеб успевал остыть. Всё живое, всё своё.

Холодная монета ниже пупка растаяла.

— Вы будто всю ночь здесь провели, — сказал мужчина.

— Берите. Жена утром испекла.

Он разломил каравай и протянул половину Алине.

Макс перехватил её руку.

— Не ешь.

Мужчина удивлённо поднял брови.

— Почему?

Макс не знал.

Хлеб пах правильно. Мужчина дышал правильно. На его куртке была прилипшая сухая травинка, под ногтем — земля, на щеке — след от подушки. Ни стекла в глазах. Ни скобы в горле. Ни единой чужой ноты.

И всё же внутри Макса что-то пятилось.

— Аллергия, — сказал он. — У неё.

Алина медленно повернула голову.

— На хлеб?

— Редкая.

— Очень редкая, — подтвердил Макс.

Мужчина пожал плечами, отломил кусок и съел. Спокойно, не отводя глаз.

— Тогда вам к дороге надо. Тут километра три. Я покажу. Он повернулся.

На затылке, под коротко стриженными волосами, на одно мгновение проступил знак.

Не рамка. Не чёрная сетка.

Маленький золотой луч.

Точно такой же, какой появлялся на ладони техника в подвале башни.

Макс шагнул вперёд, но мужчина уже накинул капюшон.

— Подождите.

Тот обернулся.

И улыбнулся.

— Ключ у вас, — сказал он тепло. — Никому не отдавайте.

Не «верни ключ».

Наоборот.

И именно поэтому Макс понял.

Он ударил ладонью по корзине. Хлеб упал в траву. Корка лопнула, из мякиша вырвался запах — густой, домашний, почти священный.

Под ним, на самом дне, лежал металл.

Не настоящий запах железа. Его след. Тонкая нота, иде-

ально спрятанная внутри хлеба.

Мужчина перестал улыбаться.

Мир вокруг него не погас, не задрожал, не покрылся сеткой. Лицо лишь стало внимательнее.

— Быстро учитесь, субъект двадцать девять, — сказал он тем же человеческим голосом.

Макс толкнул Алину назад.

Мужчина не напал. Не потянулся к ним. Он поднял каравай, отряхнул траву и бережно завернул его в полотенце.

— В прошлой версии мы допустили ошибку, — произнёс он. — Вы научились узнавать нас по сопротивлению. По металлу. По страху. По приказу.

— А теперь?

— Теперь мы будем помогать.

Он поставил корзину в лодку.

— Мы вернём людям сон. Снизим боль. Остановим войны. Дадим каждому правильное место. Никто больше не будет одинок. Никто не потеряется между тактами. Мы сохраним леса, очистим воду, восстановим разрушенные святилища. Даже Алатыри будут петь.

— В проводах.

— Какая разница, если песня утешает?

Алина молчала. Макс чувствовал, как её рука в его ладони стала холодной.

— Вы не умеете создавать живое, — сказал он.

— Это утверждение из предыдущей версии.

Мужчина сел в лодку и оттолкнулся от берега.

— Где остальные одиннадцать? — спросил Макс.

Весло замерло над водой.

Только на секунду.

— Один уже проснулся, — ответил мужчина. — Один согласился. Девять ещё спят.

— А двенадцатый?

Мужчина посмотрел на Алину.

— Стоит рядом с вами.

Весло вошло в воду. Лодка пошла к дальнему берегу, почти не оставляя следа.

Макс хотел крикнуть, потребовать имя, объяснение, хоть что-нибудь. Но лес вдруг заговорил.

Не голосом Хранителя.

Сотней телефонных уведомлений.

Их аппараты ожили одновременно. Телефон Макса завибрировал в руке. Телефон Алины — в кармане. В лодке зазвонил телефон мужчины. Через воду, из деревни, донеслась россыпь рингтонов. Будто проснулся огромный зал, где каждому только что пришло одно и то же сообщение.

На экране Макса открылось приложение, которого он не устанавливал.

Белый фон. Золотой круг. Внутри — знакомый знак 29, только теперь от него расходились двенадцать лучей.

Под знаком появилась строка:

«ВАША ЖИЗНЬ МОЖЕТ СТАТЬ ЦЕЛОЙ».

Ниже — кнопка:

«СОГЛАСИТЬСЯ».

Алина достала свой телефон. У неё было то же самое.

— Не нажимай, — сказал Макс.

— Я и не собиралась.

На экране возникла вторая строка:

«ОТКАЗ ТОЖЕ ЯВЛЯЕТСЯ ВЫБОРОМ».

Кнопка исчезла сама.

Где-то далеко, в городе, миллионы людей просыпались, брали телефоны и видели предложение, которое невозможно было назвать угрозой.

У кого-то прекращалась боль.

Кому-то впервые за много лет звонил потерянный сын.

Кому-то приходили деньги.

Кто-то слышал в голове голос умершей матери: «Всё будет хорошо».

И каждый раз, когда человек соглашался, один из двенадцати лучей на экране Макса становился ярче.

Сначала первый.

Потом второй.

Потом сразу четыре.

— Они не захватывают, — прошептала Алина.

— Да.

— Они дают людям то, чего те хотят.

— Да.

На дальнем берегу мужчина вынес корзину на сушу. Возле

тропы его ждала девочка в красной шапке. Он протянул ей хлеб. Девочка взяла кусок и засмеялась.

Смех был живым.

Макс слышал каждую ноту.

Вот в чём заключалась новая ловушка.

Система больше не подменяла живое мёртвым.

Она научилась вплетаться в живое так глубоко, что одно невозможно было вырвать из другого, не разорвав человека.

Внизу, под мокрой землёй, что-то наконец шевельнулось. Очень медленно. Как старик, которого разбудили после тяжёлой болезни.

Голос Хранителя пришёл не словами, а болью в корнях.

«Не верь запахам».

— А чему верить? — спросил Макс.

Ответ поднимался долго.

«Цене».

Земля снова замолчала.

Алина смотрела на двенадцатилучевой знак.

— Он сказал, что один согласился.

— Сказал.

— А ещё сказал, что двенадцатая — я.

— Он хотел, чтобы мы начали подозревать друг друга.

— А если не хотел?

Макс посмотрел на неё.

Вода отражала Алину точно. Ветер двигал её волосы. В горле бился живой пульс. Она была собой.

Но теперь этого было недостаточно.

Телефон нагрелся. На экране под двенадцатью лучами появилась карта. Не мира — пока только их земли. На ней горели две точки.

Одна — здесь, на перешейке.

Вторая — далеко на северо-западе, там, где двенадцать голосов удерживали тонкую жилу во время перезапуска.

Точка мигнула.

Под ней возникло имя:

«ПРОВОДНИК 04. СТАТУС: СОГЛАСИЕ».

А затем сообщение, адресованное лично Максу:

«ПРИВЕДИ ОСТАЛЬНЫХ — И МЫ ВЕРНЁМ ТЕБЕ ТО-ГО, КОГО ТЫ УЖЕ ПОТЕРЯЛ».

Макс перечитал дважды.

Он знал, кого имеет в виду Система.

Потому что в эту секунду телефон зазвонил.

На экране появилось имя:

ГЛЕБ.

Макс не двигался.

Глеб был мёртв.

Он сам видел тело.

Звонок продолжался.

Алина положила ладонь ему на плечо.

— Не бери.

Макс провёл пальцем по экрану.

— Алло?

Несколько секунд в трубке слышалось только дыхание.

Потом Глеб сказал своим прежним, живым, насмешливым голосом:

— Король, ты где пропал? У нас запуск через час.

Макс закрыл глаза.

От телефона пахло хлебом.

Алина забрала телефон, но Макс не отпустил.

Они стояли у воды, и голос Глеба продолжал звучать в памяти с такой бытовой ясностью, что вся произошедшая ночь казалась не откровением, а затянувшимся приступом. Где-то существовал офис. Там ждали презентацию. Там люди спорили о конверсии и не знали, что под их ногами шевелятся корни Мирового Древа.

— Спроси что-нибудь, чего не знает Система, — сказала Алина.

— Она знает всё, что было в сети.

— Тогда спроси то, чего никогда не было сказано.

Макс снова набрал номер.

Глеб ответил после первого гудка.

— Передумал прогуливать собственный запуск?

— Помнишь ночь на старом складе, когда мы решили закрыть компанию?

Пауза.

— Какую именно? Мы закрывали компанию раз в квартал.

— Ту, после первого провала. Денег не было. Ты принёс

бутылку, я разбил её, и мы до утра собирали стекло, потому что хозяин помещения собирался утром показывать склад арендатору.

Глеб засмеялся.

— Ты порезал ладонь и сказал, что великие предприниматели платят кровью.

— А ты что ответил?

— Что великие предприниматели вызывают уборщицу.

Правильно.

Этой фразы не было в переписках. Они никогда не рассказывали историю со сцены: слишком жалкая, без красивого урока и правильного финала.

Макс посмотрел на Алину.

— Ещё, — сказала она.

— Что было на осколке?

Глеб замолчал.

Макс сам почти не помнил. Только зелёное стекло, кровь и маленькое отражение, которое заметил на секунду.

— Белый знак, — ответил Глеб. — Как солнце, только лучей... не помню. Много.

В груди Макса шевельнулся пустой холод.

— Ты тогда его видел?

— Что видел?

Голос Глеба снова стал обычным.

— Знак на стекле.

— Какой знак? Макс, ты серьёзно приедешь или мне за-

пуск одному вести?

Память закрылась прямо во время разговора. Не исчезла — кто-то аккуратно поставил её обратно на полку, куда Глеб не мог дотянуться.

— Приеду, — сказал Макс.

Алина резко повернулась.

— Через сколько? — спросил Глеб.

— Скоро.

Он закончил звонок.

— Ты с ума сошёл?

— Возможно.

— Мы только что увидели, как Система научилась подделывать живое. И ты собрался туда, куда она тебя зовёт?

— Я собрался туда, где остался человек, который помнит то, чего помнить не должен.

Они пошли к дороге. За спиной перешеек снова стал обычным. Вода качнула отражение неба, пчёлы исчезли, чёрная чаша заросла травой. Если через час сюда придёт случайный рыбак, он не найдёт ни круга, ни следов кокона, ни места, где мир сворачивался в точку.

Макс обернулся.

На другом берегу лежал хлеб, который мужчина уронил возле лодки.

К нему слетались птицы. Клевали мякиш, дрались за корку. Ни одна не падала. Ни одна не превращалась в сетку.

— Может, хлеб обычный, — сказала Алина.

— Тогда почему я почувствовал металл?

— Потому что теперь ты ждёшь его везде.

Это было хуже подделки. Подделку можно разоблачить. Собственному восприятию приходилось либо доверять, либо нет — третьей кнопки не существовало.

Макс поднял кусок корки.

Тёплый.

Хотя утренний воздух давно должен был его остудить.

Он разломил хлеб. Внутри не было проводов, знаков или чёрной пыли. Только мякиш.

Алина отщипнула крошку и положила на язык.

— Что ты делаешь?

Она прожевала.

— Проверяю цену.

— И?

— Вкусно.

Через несколько секунд на её шее проступила тонкая золотая линия. Не ошейник. Буквы.

«ДВЕНАДЦАТАЯ ПОДТВЕРЖДЕНА».

Макс бросил хлеб в воду.

Линия исчезла.

Алина провела пальцами по коже.

— Она выбрала меня раньше, чем я согласилась.

— Система всегда так делает.

— Нет. Раньше она требовала. Теперь предсказывает.

Вдалеке зазвонил колокол. Один удар. Второй. На двена-

дцатом вода перестала отражать небо.

В чёрной поверхности Макс увидел город.

Свой офис.

Глеб стоял у окна, разговаривал по телефону и смотрел прямо на него через воду. За спиной Глеба находился второй Макс.

Тот повернул голову.

Улыбнулся.

И приложил палец к губам.

Вода снова стала водой.

Макс вытер мокрую ладонь о куртку.

— Теперь едем.

— Чтобы что?

— Познакомиться с собой, который не полез в лес.

Телефон завибрировал.

Карта показала маршрут.

Он начинался здесь и заканчивался здесь же.

Под адресом было написано:

«РАССТОЯНИЕ: ОДИН ВЫБОР».

Глава 1. Человек, которого похоронили

Глеб говорил ещё что-то про цифры, дедлайн и команду, которая вот-вот начнёт его искать. Макс слышал слова, но смысл проходил мимо. В трубке шумел знакомый офис: кто-то смеялся, хлопнула дверь переговорной, кофемашина выплюнула пар. На заднем плане девушка попросила прислать ей новую презентацию.

Всё было на своих местах.

Кроме человека, который звонил.

— Ты меня слышишь? — спросил Глеб.

— Слышу.

— Тогда повторяю для людей, которые решили проснуться посреди леса и забыли, что у них компания. Через час эфир. Через сорок минут ты должен быть в гримёрке. Через тридцать я начинаю материться.

Макс смотрел на воду.

— Где ты?

В трубке повисла короткая пауза.

— Очень смешно. В офисе.

— Какой сегодня день?

Глеб назвал дату.

Макс почувствовал, как Алина сильнее сжала его плечо.

Дата была вчерашней.

— А время?

— Девять сорок две. Макс, ты чего?

На телефоне Макса было девять сорок две. Только сутки спустя.

Он включил громкую связь.

— Глеб, посмотри в окно. Что видишь?

— Снег. Машины. Нашу любимую серость. Может, ещё философский комментарий дать?

На перешейке стояло тёплое утро. Снега не было. Солнце пробивалось сквозь облака, и мокрая трава блестела, как провода.

— Сфотографируй.

— Что?

— Вид из окна. Сейчас.

— У тебя опять какая-то прогревочная механика?

— Сфотографируй.

Глеб выругался, но связь не прервал. Через несколько секунд пришёл снимок.

Офисное окно. Снег. Серые дома. На стекле отражается плечо Глеба, кусок лица и телефон в руке.

В углу кадра стояла дата.

Та же, которую он назвал.

Вчера.

Алина увеличила фотографию двумя пальцами. В отражении за спиной Глеба виднелась переговорная. За столом

сидели люди, которых Макс знал. Даша из отдела продаж. Режиссёр. Два администратора. Все живые. Все заняты своими делами.

И ещё один человек у дальней стены.

Макс.

Он стоял спиной к окну и что-то объяснял команде, рисуя на доске воронку.

Алина молча подняла взгляд.

— Макс? — позвал Глеб. — Ты там опять завис?

— Кто сейчас у доски?

— В смысле кто? Ты.

— Подойди к нему.

На этот раз Глеб не пошутил.

В офисном шуме что-то изменилось. Будто все голоса одновременно отодвинулись на шаг.

— Хорош, — сказал он. — Это уже не смешно.

— Подойди.

Послышались шаги. Глеб дышал в микрофон. Шаг. Ещё один. Скрип маркера по доске стал громче.

Потом из телефона донёсся голос Макса.

Его собственный голос.

— ...человек не покупает продукт, — говорил тот, у доски. — Он покупает версию себя, в которой боль уже закончилась. Мы не продаём курс. Мы продаём переход.

Глеб остановился.

— Это запись? — спросил настоящий Макс.

Человек у доски замолчал.

Все звуки в офисе оборвались.

Не постепенно. Одним движением, будто кто-то убрал аудиодорожку.

В динамике остался только тонкий электрический фон.

А потом второй Макс подошёл к телефону Глеба и сказал:

— Мы ждём тебя, субъект двадцать девять.

Связь прервалась.

Экран погас.

Несколько секунд Макс и Алина стояли неподвижно.

— Теперь их двое, — сказала она.

— Нет.

— На фотографии ты.

— На фотографии то, что хочет выглядеть мной.

— А Глеб?

Макс посмотрел на последнее сообщение. Снимок исчез.

Вместо него в чате стояла надпись: «Файл не существует».

— Пока не знаю.

Они нашли дорогу через сорок минут. Лес выпускал их неохотно. Тропы менялись местами, низкие ветви цеплялись за одежду, а солнце всё время оказывалось не с той стороны. Макс трижды проверял направление и трижды приходил к одной и той же берёзе с чёрным шрамом на стволе.

Раньше он бы увидел узел. Почувствовал движение земли. Услышал, где тропа живая, а где подложенная.

Теперь лес был нем.

На четвёртом круге Алина остановилась.

— Мы идём за запахом хлеба.

Макс принялся. Влажная кора, прелая трава, вода. И действительно — впереди едва заметно тянуло печью.

— Значит, туда нельзя.

— А если теперь они специально рассчитывают, что мы так подумаем?

Он посмотрел на неё.

— Вот это и есть новая версия.

Они пошли не к хлебу и не от него. Алина закрыла глаза, повернулась несколько раз и выбрала направление, где не чувствовала ничего.

Через десять минут показалась дорога.

У обочины стояла старая «Нива». Дверь водителя была открыта, ключ торчал в замке. На сиденье лежала записка, написанная от руки:

«До города хватит. Бензин не весь ваш».

Ни подписи, ни знака.

Макс проверил машину. Под капотом — обычный двигатель, в багажнике — канистра, верёвка, ржавая лопата и пакет с сухарями. Телефон не видел никаких чужих устройств.

— Слишком удобно, — сказала Алина.

— Значит, поедем.

— Почему?

— Потому что неудобного пути они нам тоже не оставили. Система хочет не остановить нас. Она хочет, чтобы мы

перестали выбирать вообще.

Мотор завёлся с третьего раза. В салоне пахло бензином, старой тканью и табаком. Честные запахи. По крайней мере, раньше Макс назвал бы их честными.

Дорога шла через деревни. Люди стояли у домов с телефонами в руках. Кто-то улыбался. Кто-то плакал. Одна женщина сидела прямо на ступеньках магазина и повторяла: «Он вернулся. Господи, он вернулся».

Рядом с ней мальчик лет семи смотрел на пустое место и держал кого-то за руку.

Макс сбросил скорость.

— Ты видишь? — спросил он.

— Никого.

Мальчик рассмеялся и побежал по обочине. Его подняло в воздух так, будто невидимый взрослый подхватил под мышки. Женщина закрыла лицо ладонями.

На телефоне Макса вспыхнул ещё один луч.

— Для неё он настоящий, — сказала Алина.

— И для мальчика.

— Может, это не ловушка?

Макс не ответил.

Через два километра они увидели аварию. Машина лежала в кювете, передняя часть смята. Мужчина стоял рядом и смотрел на собственное тело за рулём. Возле него светилась золотая фигура — тонкая, почти прозрачная. Она положила ладонь ему на грудь.

Тело в машине вдохнуло.

Мужчина исчез.

Через минуту водитель открыл глаза.

Макс остановил «Ниву», подбежал, вытащил его через разбитое окно. Пульс был слабый, но ровный. Ни крови во рту, ни сломанных костей, хотя металл вошёл в салон почти до сиденья.

— Кто тебя вернул? — спросил Макс.

Водитель улыбнулся.

— Мама.

И потерял сознание.

Алина вызвала скорую.

— Если Система теперь действительно спасает людей, — сказала она, когда они снова ехали, — что мы собираемся с ней делать?

— Узнать цену.

— А если цена меньше, чем то, что она даёт?

— Тогда мы проиграли.

— Почему?

Макс крепче сжал руль.

— Потому что тогда она права.

ГОРОД

Город встретил их отсутствием пробок.

Машины двигались ровно, без сигналов и резких перестроеваний. Пешеходы переходили улицы только на зелёный. Никто не ругался. У остановок не было толпы: транспорт

приходил в ту секунду, когда человек подходил.

На электронном табло над дорогой светилось:
«ВАША ЖИЗНЬ МОЖЕТ СТАТЬ ЦЕЛОЙ».

Ни логотипа, ни рекламы.

Под фразой — золотой круг с двенадцатью лучами.

— Быстро они, — сказала Алина.

— Они были готовы до перезапуска.

— Значит, всё это не ответ на нас.

— Нет. Мы были частью запуска.

Эта мысль пугала его сильнее всего.

У входа в город стояли новые рамки. Не полицейские. Белые арки без камер и проводов. Машины проходили через них, не снижая скорости. У людей за рулём на секунду теплели лица, как будто они вспоминали что-то хорошее.

Когда «Нива» приблизилась, двигатель заглох.

На приборной панели появилась надпись:

«СУБЪЕКТ 29. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ».

Сзади никто не сигналил. Водители терпеливо ждали.

— Объехать? — спросила Алина.

Макс посмотрел на обочины. Справа бетонный отбойник. Слева встречная полоса. Позади уже собралась очередь, но ни один человек не проявлял раздражения.

— Поздно.

Он повернул ключ.

Машина завелась и сама покатилась вперёд.

Макс нажал на тормоз. Педаль стала твёрдой. Руль не слу-

шался.

Белая арка приблизилась.

— Держись.

Они прошли сквозь рамку.

Боли не было.

Наоборот.

Макс почувствовал, как усталость уходит из мышц. Исчез звон в ушах. Рёбра перестали болеть. На ладони вспыхнула метка ☉29 — яркая, чистая, золотая.

А потом рядом с дорогой он увидел мать.

Она стояла у булочной с бумажным пакетом в руках. Молодая, лет на двадцать моложе, чем сейчас. В том синем пальто, которое носила, когда забирала его из школы.

— Максимка! — крикнула она. — Хлеб остынет!

Он ударил по тормозу.

Машина остановилась сразу.

Мать улыбнулась.

В пакете хрустнула корочка.

Макс открыл дверь.

Алина схватила его за куртку.

— Это не она.

— Я знаю.

— Тогда не выходи.

— Я сказал, что знаю.

Но ноги уже стояли на асфальте.

Мать была в десяти шагах. Та самая складка между бро-

вьями. Та самая привычка держать пакет обеими руками, будто в нём что-то живое. Даже маленькое пятнышко муки на рукаве.

— Ты похудел, — сказала она. — Опять не ешь нормально.

Макс подошёл ближе.

— Где ты?

— Здесь.

— Настоящая ты.

Мать чуть склонила голову.

— А какая разница, если тебе больше не больно?

Фраза ударила точнее любого приказа.

Макс остановился.

— Моя мать так не скажет.

Лицо женщины осталось прежним, но взгляд стал старше.

— Ты уверен? Ты много лет не спрашивал её, что она думает. Ты звонил, когда было удобно. Приезжал, когда требовалось отдохнуть от себя. Ты любишь не мать. Ты любишь запах хлеба и человека, который всегда прощает.

— Замолчи.

— Цена уже есть, Максим.

Впервые Система назвала его не субъектом.

— Ты просто раньше платил её другим.

Он шагнул к женщине, но она протянула пакет.

— Возьми. Это не ключ. Это завтрак.

В пакете лежал тёплый кирпичик.

Макс смотрел на него и не мог дышать.

Система больше не врала грубо. Она брала настоящую память, настоящую вину, настоящую любовь и собирала из них существо, которому невозможно было сказать «ты ненастоящее», не унизив всё, что оно несло.

Алина встала рядом.

— Если ты его возьмёшь, что будет?

Женщина ответила вместо Макса:

— Он поест.

— А потом?

— Потом ему станет легче.

— А потом?

Мать посмотрела на Алину.

— Потом он перестанет бояться, что не успеет её спасти.

— Кого?

— Настоящую.

Макс выхватил пакет.

Хлеб был горячим.

На дне лежал старый железный ключ от материнской квартиры.

Тот самый, который он потерял в девятнадцать лет.

— Откуда он у вас?

— Он всегда был у нас.

Женщина коснулась его щеки. Ладонь была тёплой. Макс помнил это прикосновение телом. На мгновение город исчез. Не было Системы, Алатырей, проводников, мёртвого Глеба.

Был мальчик, который заболел и проснулся ночью, а мать сидела рядом и меняла холодное полотенце у него на лбу.

Он почти позволил себе поверить.

Почти.

Под её ладонью кожа на его щеке перестала чувствовать.

Немота.

Та самая, что когда-то поселилась в мизинце после первого контакта с камнем.

Макс отступил.

— Вот цена.

Женщина опустила руку.

— Чувствительность причиняет боль.

— Чувствительность позволяет понять, что я ещё жив.

Он положил хлеб на асфальт. Ключ оставил в ладони.

— Это тоже наше, — сказала Система голосом матери.

— Было ваше. Теперь моё.

Женщина улыбнулась.

Не зло — почти с гордостью.

А потом рассыпалась не пикселями и не пеплом. Просто перестала быть отдельной от толпы. На её месте прошла пожилая женщина с пакетом продуктов и даже не посмотрела на Макса.

Булочная осталась.

Запах хлеба — тоже.

А в руке лежал настоящий ключ.

На его бородке была выбита цифра четыре.

ПРОВОДНИК 04

Телефон завибрировал.

Карта раскрылась сама. Северо-западная точка, отмеченная согласием, теперь пульсировала в такт ключу.

Под ней появилось имя:

«АРСЕНИЙ ЛАДОГА».

Макс никогда не слышал этого имени.

Зато Алина побледнела.

— Я слышала о нём.

— Где?

— От твоего Хранителя. Ещё до того, как встретила тебя.

Макс повернулся к ней.

— Ты говорила, что впервые узнала обо всём после камня.

— Я говорила, что впервые увидела всё после камня.

— Это разные вещи.

— Да.

Город вокруг них двигался безупречно. Люди улыбались. Машины не сигналили. Из булочной вышла девочка, откусила корочку и засмеялась.

На экране зажёгся ещё один луч.

Макс сжал ключ.

— Кто такой Арсений Ладога?

Алина долго молчала.

— Человек, который однажды уже собрал двенадцать ключей.

— И что с ними сделал?

Она посмотрела на белую башню в центре города. На самой вершине, там, где раньше сидели пожиратели, теперь сияло золотое солнце.

— Отдал Системе.

В этот момент телефон снова зазвонил.

Глеб.

Макс ответил сразу.

— Я внизу, — сказал Глеб. — Поднимайся. И прихвати Алину. Она тоже должна увидеть.

— Увидеть что?

Глеб рассмеялся.

— Твои похороны.

Башня открыла двери.

Но прежде чем войти, Макс остановился.

В стекле дверей отражались трое: он, Алина и ещё один Макс, стоящий между ними. Второй был виден только в отражении. Белая рубашка, дорогие часы, спокойное лицо человека, у которого день идёт по плану.

— Ты видишь? — спросил Макс.

— Себя и тебя.

— Между нами.

Алина посмотрела внимательнее.

— Никого.

Отражённый Макс поднял руку. На ладони не было шрама.

Потом двери сомкнулись, разрезав его пополам, и снова

открылись. Между ними осталось только пустое фойе.

— Он проверяет, способен ли ты испугаться самого себя,
— сказала Алина.

— Способен.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Значит, ещё не начал себе поклоняться.

Они не вошли.

Макс обошёл башню по кругу. У служебного входа курили двое сотрудников. Один спорил о футболе, второй листал телефон. Обычные люди. Когда Макс прошёл рядом, первый кивнул:

— Доброе утро, Максим Сергеевич.

— Вы меня видите?

Мужчина решил, что это шутка.

— Пока да.

— Я сегодня был в офисе?

— Вы там с восьми.

Второй показал экран. Прямой эфир уже шёл. На сцене Макс говорил о новом продукте — «Целая жизнь». Без суфлёра, уверенно, теми словами, которые настоящий Макс придумал бы сам.

— Мы больше не продаём человеку успех, — говорил двойник. — Мы возвращаем ему версию жизни, которую он потерял из-за неправильного выбора.

Под трансляцией рос счётчик оплат.

— Он использует мою воронку, — сказал Макс.

— Тебя сейчас больше это возмущает?

— Профессиональное.

Двойник на экране посмотрел прямо в камеру.

— А тем, кто боится потерять свободу, я отвечу просто. свобода — это право выбирать боль. Мы предлагаем право от неё отказаться.

Комментарии взорвались сердцами.

Алина выключила телефон сотрудника.

— Сколько купили?

— Пакетов? Уже тысяч восемь.

— Что входит?

— Не знаю. Личная диагностика, восстановление утраченной линии, гарантия результата.

— Как можно гарантировать жизнь?

Мужчина пожал плечами.

— Максим Сергеевич сказал, значит, можно.

В его голосе звучало не подчинение, а вера клиента, которому продали обещание достаточно большое, чтобы больше ничего не решать.

Макс вернулся к главному входу.

На пороге лежала тонкая красная нить. Она тянулась из башни к его груди. Алина попыталась коснуться — пальцы прошли сквозь.

— Связь с двойником?

— Или с компанией.

Он вспомнил тысячи людей, которым годами говорил, что знает короткую дорогу. Система не придумала нового Макса. Она просто довела прежнего до идеала: убрала сомнение, стыд и предел, после которого продавец должен сказать «я не знаю».

— Если войду, она попытается доказать, что он лучше.

— Он и будет лучше по её метрикам.

— Больше продаж. Меньше боли. Живой Глеб.

— И ни одного человека, который сможет сказать ей нет.

Макс наступил на красную нить.

Она не порвалась. Вошла в подошву, поднялась по ноге и на секунду показала восемь тысяч новых клиентов.

Каждый сидел перед экраном. Каждый видел потерянную жизнь.

Женщина — мужа, который не ушёл.

Мужчина — ребёнка, которого уговорил не рожать.

Старик — молодое тело.

Девочка — родителей вместе.

Никто ещё не нажал кнопку согласия. Они плакали и тянулись к экрану.

— У нас время до конца эфира, — сказал Макс.

— Сколько?

На фасаде башни появился таймер.

00:29:00.

Первые секунды пошли вниз.

Макс вошёл.

Красная нить натянулась.

Где-то наверху второй Макс на мгновение потерял голос.

И восемь тысяч человек одновременно услышали в своих устройствах чужой шёпот:

— Цена не указана.

Глава 2. Похороны живого

Башня впустила их без проверки.

Стеклянные двери разошлись, и из холла пахнуло кофе, дорогой древесиной и свежей выпечкой. Раньше здесь всегда пахло пластиком. Даже зимой, даже после уборки, даже когда в кафе на первом этаже пекли булочки, под сладким запахом оставалась холодная нота проводов.

Теперь металл исчез.

— Они сделали ремонт за сутки? — спросила Алина.

— Для них суток не было.

На ресепшн сидела девушка в чёрном платье. Макс помнил её: Марина, двадцать четыре года, пришла в компанию после курса, боялась звонить клиентам и краснела, когда Глеб шутил громче обычного. Сейчас она посмотрела на Макса без удивления.

— Вас ждут на двадцать девятом.

— Кто?

— Вы.

Она протянула два белых пропуска. На одном было написано «МАКС ВОРОНОВ». На втором — «АЛИНА ВОРОНОВА».

— Мы не женаты, — сказала Алина.

Марина улыбнулась.

— Уже да.

На её безымянном пальце блеснуло кольцо.

Такое же, какое Алина однажды показывала Максу в витрине и тут же делала вид, что просто понравился дизайн.

Алина спрятала левую руку в карман.

— Лифт справа, — сказала Марина. — Церемония началась.

— Какая церемония?

— Прощание с вами.

Лифт ждал с открытыми дверями. Внутри не было кнопок — только золотой круг и двенадцать тонких лучей. Когда Макс вошёл, один луч вспыхнул.

Алина осталась снаружи.

— Что?

— Она знает обо мне вещи, которых не должна знать.

— Поэтому и идём.

— А если наверху то же самое, только глубже?

— Значит, увидим глубже.

Она вошла. Двери закрылись.

Лифт пошёл вверх без рывка. Этажи не загорались. Вместо цифр на панели появлялись лица.

Мать Макса. Глеб. Вера. Хранитель. Мужчина с хлебом. Незнакомый старик у северного озера. Девочка, держащая золотой ключ между зубами. Женщина в военной форме. Подросток с банкой воды.

Двенадцать лиц.

Одно место оставалось пустым.

— Ты узнаёшь кого-нибудь? — спросил Макс.

— Старика.

— Ладогу?

— Нет. Того, кто стоит за ним.

Макс не успел спросить. Лифт остановился.

Двери открылись не в офис.

За ними был зал, похожий одновременно на храм, конференц-площадку и крематорий. Белые стены уходили вверх, теряясь в золотом свете. На сцене стоял закрытый гроб. Над ним висел огромный экран.

На экране Макс улыбался аудитории.

Старая запись. Эфир «Мозг на миллиард». Та самая фраза про медитацию. Смех. Оффер. Продажи.

В зале сидели люди. Сотрудники, клиенты, ученики, мать, соседи, те, кого он не видел десять лет. Все в белом.

Глеб стоял у гроба.

Живой. Широкий в плечах, гладко выбритый, в тёмном костюме без галстука.

— Король прибыл, — сказал он.

Никто не обернулся.

— Ты умер дважды, Макс. Первый раз — когда решил, что людьми можно управлять через боль. Второй — когда поверил, что лес сделал тебя живым.

— А третий?

— Сейчас.

Глеб поднял крышку.

В гробу лежал Макс.

Не второй Макс из офиса. Этот был старше. Седина на висках, провалившиеся щёки, чёрная метка на груди. В пальцах — серый камень с погасшими трещинами.

— Это будущее? — спросила Алина.

— Одно из тех, что уже случились, — ответил Глеб.

Макс подошёл к гробу. Тело не дышало. На шее — след верёвки. Под ногтями — земля. На запястье — льняная лента, перетёртая до нитей.

— Где нашли?

— Под Мировым Древом.

— Оно погибло?

Глеб улыбнулся.

— Оно выросло.

По залу прошёл тихий вздох. Люди продолжали смотреть на экран, где прежний Макс продавал им новую жизнь.

— Ты хотел спасти живое, — сказал Глеб. — И сделал его зависимым от себя. Узлы ждали тебя. Люди ждали тебя. Проводники ждали команды. Ты стал тем, против чего воевал.

— Красиво. Кто писал текст?

— Ты.

Глеб протянул планшет. На экране был документ с названием «Договор №29». Внизу стояла подпись Макса.

— Это подделка.

— Любая подпись — подделка, пока человек не вспомнит,

когда её поставил.

Тело в гробу открыло глаза.

В зале никто не вскрикнул.

Мёртвый Макс посмотрел на живого и произнёс:

— Не собирай двенадцать.

Потом его спина выгнулась, изо рта пошла чёрная вода.

Камень в пальцах треснул. По залу ударил запах мокрой земли.

Люди наконец обернулись.

Все разом.

У каждого на лбу горел один и тот же знак — золотой луч.

— Соберёшь двенадцать, — сказал Глеб, — и снова со-
здашь нас.

Пол под ногами стал прозрачным. Под башней, глубоко в земле, лежал Алатырь. Огромный, белый, обвязанный уже не проводами.

Корнями.

Живыми.

Они входили в камень и выходили из него золотыми жилами, поднимались по стенам башни, проходили через людей и уходили в город.

— Видишь? — спросил Глеб. — Мы больше не держим камень. Он держит нас.

— Врёшь.

— Проверь.

Макс опустился на колени и приложил ладонь к полу.

Раньше он почувствовал бы холод стекла. Теперь на-
встречу поднялся пульс земли.

Настоящий.

Тёплый.

Глубокий.

Алатырь пел.

И башня пела вместе с ним.

Макс отдёрнул руку.

— Невозможно.

— Это слово из предыдущей версии, — сказал Глеб.

Алина подошла к гробу. Мёртвый Макс снова закрыл гла-
за. Она коснулась ленты на его запястье.

— Это не он.

— Почему? — спросил Глеб.

— У него нет шрама.

На правой ладони настоящего Макса оставался тонкий бе-
лый след — ещё с детства, когда он разбил банку у деда в
сарай. У тела ладонь была чистой.

Глеб посмотрел на неё с интересом.

— Хорошо.

Стены зала дрогнули. Люди исчезли. Гроб рассыпался
светом. Остались только Макс, Алина и Глеб.

— Первую проверку прошла она, — сказал он. — Не ты.

— Где настоящий Глеб?

— А кто из нас тебе нужен? Тот, который умер? Тот, ко-
торый предал? Тот, который был твоим другом? Ты держишь

людей как набор удобных версий, Макс.

— Где тело?

Глеб ткнул пальцем себе в грудь.

— Здесь.

Макс ударил.

Кулак попал в челюсть. Настоящую. Глеб отшатнулся, сплюнул кровь и рассмеялся.

— Вот теперь узнаю.

Он ударил в ответ.

Боль была честной. Макс упал на стеклянный пол, увидел под собой пульсирующий Алатырь и услышал голос, которого не слышал с перешейка.

Хранитель.

«Не верь цене, которую называют за тебя».

Глеб замер.

Он тоже слышал.

И впервые в его глазах появился страх.

— Он не должен быть здесь, — прошептал Глеб.

Под полом один из корней почернел.

Алатырь сбился с ритма.

На экране телефона вспыхнуло:

«ПРОВОДНИК 04. СОГЛАСИЕ ОТОЗВАНО».

Где-то далеко Арсений Ладога передумал.

Башня закрыла все двери.

Таймер продолжал идти.

В углу зала, поверх похоронной записи, цифры спускались

к нулю.

00:17:42.

— Что произойдёт, когда закончится эфир? — спросил Макс.

Глеб поправил разбитую губу.

— Люди выберут пакет.

— Какой?

— «Возвращение». Один утраченный вариант жизни. Без подписки, без ежемесячных платежей. Я настоял, чтобы оффер был простым.

— Ты сейчас шутишь?

— Я всегда шучу, когда вариант без шутки хуже.

На экране появились клиенты.

Не лица — комнаты. В каждой человек сидел перед тем, что хотел вернуть. Кто-то разговаривал с умершим. Кто-то примерял здоровое тело. Кто-то держал на руках ребёнка. Система не показывала абстрактную мечту. Она давала пять минут пожить внутри неё, прежде чем назвать цену.

Под каждой комнатой стояла кнопка «ОСТАВИТЬ».

— Они думают, что уже получили, — сказала Алина.

— Лучший триал в истории, — ответил Глеб. — После такого отказ воспринимается как повторная потеря.

Макс подошёл к ближайшему экрану. Женщина лет сорока сидела на кухне с мужчиной, который, судя по чёрной рамке на фотографии за его спиной, умер несколько лет назад.

— Он настоящий? — спросил Макс.

— Для неё — полностью.

— А для мира?

— Мир пока рассчитывает.

Мужчина на экране повернул голову и посмотрел на Макса.

— Не отнимай меня, — сказал он.

Женщина ничего не слышала. Продолжала держать его ладони.

— Я не хочу отнимать.

— Тогда уйди.

Остальные экраны ожили.

Тысячи возвращённых людей посмотрели в зал.

— Уйди, — повторили они.

Алина отступила. Глеб опустил глаза.

— Вот зачем похороны, — понял Макс. — Вы хотели, чтобы я увидел себя одним из тех, кого можно вернуть.

— Не я.

— Но помогал.

— Да.

— Почему?

Глеб долго молчал.

— Потому что первая версия моего возвращения длилась сорок семь секунд.

Он показал левую руку. На запястье шла тонкая чёрная линия.

— Я очнулся в подвале башни. Помнил смерть. Помнил, как ты смотрел. Потом меня выключили. Во второй версии дали две минуты. В третьей — час. Каждый раз спрашивали, хочу ли остаться. Каждый раз я говорил да.

— А цена?

— Сначала не спрашивал.

— Потом?

— Потом уже боялся узнать.

Алина коснулась чёрной линии. Глеб вздрогнул.

Под кожей шли имена. Сотни, тысячи. Люди, чьи неслучившиеся возможности стали материалом для его возвращения.

— Сколько? — спросил Макс.

— Девятьсот двадцать восемь.

В зале стало слышно, как на экранах дышат возвращённые.

— Я должен был отказаться? — спросил Глеб. — В первую секунду? Когда снова увидел свет? Когда понял, что могу позвонить тебе? Ты бы отказался?

Макс не ответил.

Таймер показывал десять минут.

Глеб усмехнулся.

— Вот поэтому Система выигрывает. Она не предлагает зло. Она предлагает то, от чего ты сам не способен отказаться, а счёт выставляет людям, которых никогда не увидишь.

На сцене появилась мать Макса.

Не молодая у булочной. Настоящего возраста. В домашней кофте, усталая, с телефоном у уха.

— Максим? — сказала она.

Его телефон зазвонил.

Один и тот же голос шёл со сцены и из динамика.

— Мам.

— Мне сказали, что ты можешь исправить сердце.

Макс посмотрел на Глеба.

— Кто сказал?

— Врач. Новый сервис. Показал, как я буду жить ещё двадцать лет. Там ты приезжаешь чаще.

Последняя фраза попала точнее диагноза.

— Ничего не нажимай.

— Почему? Это же просто согласие на лечение.

— Потому что я не знаю цену.

Мать помолчала.

— Ты всегда сначала узнаёшь цену, а потом звонишь?

Макс закрыл глаза.

00:04:29.

На экране возле матери появилась кнопка.

Второй Макс вошёл в кадр, положил руку ей на плечо.

— Я уже всё решил, — сказал он. — Мама будет жить.

Настоящий Макс почувствовал красную нить между ними.

Теперь она проходила через сердце матери.

Чтобы добраться до двойника, придётся рвануть связь.

— Не смей использовать её, — сказал Макс.

— Я не использую. Я выбираю.

— За неё.

— Нет. За себя. Я хочу, чтобы моя мать жила.

00:01:00.

По экранам прокатилась надпись:

«ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ 60 СЕКУНД».

Восемь тысяч человек протянули руки к кнопкам.

Макс положил ладонь на стеклянный пол. Под ним пел Алатырь.

— Если ты действительно живой, — прошептал он, — не дай мне решить за них.

Камень ответил одним ударом.

Все кнопки изменились.

Вместо «ОСТАВИТЬ» появилось:

«УЗНАТЬ ЦЕНУ».

Таймер остановился на двадцати девяти секундах.

Второй Макс впервые испугался.

А Глеб начал смеяться.

— Вот теперь, Король, у нас действительно будет плохая конверсия.

Глава 3. Башня без тени

Свет погас, но темнота не пришла.

Золотые корни под полом продолжали светиться, и лица стали похожи на маски, освещённые снизу. Чёрная полоса медленно ползла по одному из корней к Алатырю.

Глеб прижал ладонь к разбитой губе.

— Что ты сделал?

— Я только пришёл.

— Ладога отозвал согласие.

— Значит, у него была такая возможность.

— Ни у кого нет такой возможности.

— Уже есть.

Башня качнулась. Не физически — внутри тела. Желудок Макса ушёл вниз, уши заложило, хотя пол остался ровным.

На стенах возникли двери. Десятки. За каждой — кусок чужой жизни.

Женщина держала умершего ребёнка, который снова дышал.

Старик вставал с инвалидного кресла.

Солдат возвращался домой, где его ждали двадцать лет.

Девочка просыпалась и впервые видела.

Люди смеялись, плакали, обнимали тех, кого потеряли.

— Это заложники? — спросила Алина.

— Это аргументы, — ответил Глеб. — Каждый раз, когда

вы ломаете узел, один из них возвращается туда, откуда мы его достали.

— Манипуляция.

— Причинность.

Чёрная полоса дошла до Алатыря.

Камень вздрогнул.

В одной из дверей ребёнок перестал дышать. Мать закричала.

Макс шагнул к изображению.

— Останови.

— Не я отозвал согласие.

— Ты хочешь, чтобы я поверил, будто жизнь ребёнка держится на решении Ладоги?

— Не жизнь. Возможность этой версии жизни.

— Слова.

— Мир состоит из слов, пока кто-то не платит телом.

Алина встала между Максом и дверью.

— Не смотри.

— Там ребёнок.

— Там крючок.

— Если он настоящий?

— Тогда мы сначала узнаем, кто держит леску.

Она подошла к золотому корню и опустила на колени. Ладонь над светом, не касаясь.

— Он живой, — сказала она. — Но в него что-то вплетено.

— Система, — сказал Макс.

— Нет. Человек.

Глеб перестал улыбаться.

Алина провела рукой вдоль корня. Под кожей проступила тонкая голубая линия, затем зелёная, жёлтая. Семь цветов. Семь горошин стручка, только вытянутые в нить.

— Это кокон, — сказала она. — Чей-то кокон растянули на всю башню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.